

ЭДУАРД I

Вадим
Устинов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2082

(1882)

Вадим Устинов

ЭДУАРД I

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2021

Информация от издательства

Устинов В. Г.

Эдуард I / Вадим Устинов. — М.: Молодая гвардия, 2021. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1882).

ISBN 978-5-235-04600-9

Король Англии Эдуард I Длинноногий из династии Плантагенетов, правивший в 1272—1307 годах, вошел в историю как один из самых могущественных правителей средневековой Европы, упрочивший власть и славу английской монархии. Ему удалось присоединить к Англии Уэльс и Шотландию, обуздать своеволие крупных феодалов, принять новые законы, охранявшие права всех жителей королевства. О жизни и деяниях Эдуарда I, прозванного «цветком рыцарственности» и «молотом шотландцев», рассказывает его первая русскоязычная биография, созданная историком Вадимом Устиновым на основе широкого круга источников.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

16+

© Устинов В. Г., 2021

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2021

*Как часто Мерлин правду возвещал, мой Бог!
Провидел будущее сквозь века пророк.
И бурных две реки слились в один поток,
Хотя их разделял великих гор отрог.
Кто две страны на путь один направить смог,
Хоть общих прежде не было у них дорог?
Островитян единства в этом был исток,
Вернул он Альбу — средоточие тревог,
Где Эдуарда королем народ нарек.
Под руку взял свою Уэльс и Корнуолл,
И в подчинение Ирландию привел.
Таким величием сиял его престол,
Какого ни один владыка не обрел —
Он мощью самого Артура превзошел.*

«Хроника Питера из Лэнгтофта»

Предисловие
ВЕЛИЧАЙШИЙ КОРОЛЬ АНГЛИИ

Эдуарда I Длинного, правившего Англией в течение 35 лет — с 1272 по 1307 год, многие историки заслуженно именуют самым выдающимся английским королем Высокого Средневековья^[1]. Более того, он вполне может претендовать на честь называться величайшим правителем страны от нормандского завоевания до наших времен. Однако за всеми хвалебными словами, произносимыми в его честь, нет-нет да и проскальзывает намек — даже на солнце, мол, есть пятна. Как же тут уберечься простым смертным, пусть и вознесенным судьбой на вершину славы?

Совершенно неудивительно, что в течение почти восьми веков предпринимаются попытки отыскать в биографии Эдуарда I те самые темные пятна — то ли подлинные, то ли вымышленные. И в этом король не одинок — точно такая же посмертная изыскательская деятельность тревожила память многих великих мира сего. За примерами далеко ходить не надо: из исторических фигур, живших в те же Средние века и в той же Англии, можно вспомнить Ричарда III или Эдуарда Черного Принца. Черный Принц отделался относительно дешево — ему в вину поставили излишнее расточительство да якобы имевшую место Лиможскую резню. А вот Ричард был облит грязью с головы до ног, и процесс очищения от клеветы его доброго имени до сих пор идет очень трудно.

Эдуард I, подобно своему прапраправнуку Генри V Монмутскому, незаслуженно получившему куда более широкую известность благодаря гениальным пьесам Шекспира, в начале жизненного пути вызывал не самое благожелательное к себе отношение у некоторых современников. Они обвиняли его в непостоянстве, предательстве друзей и нежелании держать данное слово. Бенедиктинский монах и хронист Мэтью Парижский, который был свидетелем детства и юности принца, впал в отчаяние от одной только мысли, что тот рано или

поздно унаследует трон Англии. В своей хронике он с ужасом описывал, как Эдуард вместе с приспешниками без весомого повода напал на некоего молодого человека и приказал отрезать ему ухо и выбить глаз. Мэтью даже привел цитату из Евангелия^[2] — правда, в угоду моменту несколько ее перефразировав: «Если он поступает так, будучи зеленым, то на что можно надеяться, когда он высохнет?»^[3]¹

Сейчас можно долго спорить, в какой степени бенедиктинец был пристрастен в своем отношении к юному принцу. Но ясно, что предсказатель из него получился не самый точный, и пессимистическим прогнозам хрониста не суждено было претвориться в жизнь. Вопреки им, в историю Эдуард I вошел как покоритель Уэльса и Шотландии, как великий законодатель и, наконец, как мудрый государственный деятель, сумевший положить конец гражданским распрям.

Можно предположить, что под давлением все возрастающего груза ответственности с Эдуардом произошла такая же резкая метаморфоза, как впоследствии с Генри V Монмутским. Однако более вероятно, что он с молодости был расчетливым политиком, легко расстававшимся с временными попутчиками, но твердо хранившим верность истинным друзьям. С юношеских лет ему пришлось окунуться в атмосферу сложных придворных интриг, оказаться в центре борьбы нескольких мощных аристократических фракций и для достижения собственных целей принимать ситуативные решения по мере изменения баланса сил.

Мэтью Парижский не был одинок в своем стремлении уязвить короля. У других хронистов также можно найти критику в его адрес — к примеру, упоминания о его страшных, хотя и весьма редких вспышках гнева. В частности, о ссоре с дочерью, когда Эдуард I в приступе ярости сорвал с нее корону и швырнул в горящий камин.

Каноник-августинец и хронист Питер из Лэнгтофта, который поначалу неумеренно восхвалял деяния короля, затем неожиданно обернулся одним из самых ярких его хулителей.

Причем в своей критике он обращался прежде всего к области сугубо личной, что весьма странно. Ведь если о внутренней и внешней политике Эдуарда I он еще мог как-то судить, то о частной жизни короля — вряд ли, так как не входил в число его близких друзей. Тем не менее Питер писал:

Безоблачная праздность, долгий сон с утра,
В восторге лени и излишеств вечера,
К преступникам и недругам приязнь щедра,
И своеволие в совете и делах².

Вполне обоснованной кажется версия, что за внезапным «прозрением» Питера из Лэнгтофта, как и за откровенной враждебностью других хронистов скрывается вовсе не их личное мнение о персоне Эдуарда. Скорее всего, они лишь ретранслировали то раздражение, которое вызывала деятельность короля в определенных придворных кругах: представители знати лишились былых привилегий и практически неограниченной власти, а влияние прелатов на светскую жизнь было сильно ограничено. Недовольство последних, кстати, оказывало непосредственное влияние на составителей хроник, по большей части являвшихся монахами.

С мотивацией средневековых хронистов, собственно, все понятно — они зачастую руководствовались в своих работах корпоративными интересами. Но какие побуждения двигают современными учеными-историками, пытающимися создать сенсацию на ровном месте и не подкрепляющими ее никакими серьезными историческими свидетельствами? Речь идет, в частности, о получившей некоторое распространение теории, что Эдуард I не очень-то почитал отца и всеми способами пытался приблизить свое восхождение на трон. А Генри III будто бы отвечал своему первенцу взаимностью и в страхе за корону постоянно спроваживал его подальше от Англии — то в Гасконь, то в Святую землю, то в Уэльс. Да, между отцом и сыном однажды произошла серьезная размолвка, но до

и после нее Генри III и принц Эдуард демонстрировали глубочайшую привязанность друг к другу.

Если Эдуард I бесспорно любил отца, то с магнатами и священнослужителями он вел себя не слишком дипломатично. Скорее, наоборот — с теми, кто шел ему наперекор, он поступал жестко и бескомпромиссно. Однако вряд ли это можно поставить ему в укор, так как в конечном счете такая тактика оказалась весьма эффективной.

* * *

Страстно стремившийся к установлению порядка и единого закона на всей территории Англии и на завоеванных землях, Эдуард I многим наступил на любимую мозоль. Он не на шутку взбаламутил королевство, проведя титаническую работу по внедрению действенных законов, перетряхнув и переосмыслив древние хартии. Все это немало способствовало появлению на свет особого сословия профессиональных юристов. Король заслужил от потомков прозвище «Английский Юстиниан»^[4], правомерность которого никогда и никем не подвергалась сомнению. Его преосвященство Уильям Стаббс, епископ Оксфордский, превосходный знаток архивов, в середине XIX века заявлял по этому поводу: «Если имеется в виду, что этот титул подчеркивает значимость и незыблемость его законодательной деятельности, а также приносит дань уважения его месту в истории юриспруденции, то ни один англичанин не станет этого оспаривать»³.

К реформам Эдуарда I подталкивала крайняя необходимость — механизмы управления страной, доставшейся ему в наследство от отца, разладились до такой степени, что долее не могли нормально функционировать. Статуты Эдуарда не производили коренной ломки сложившейся системы и не насаждали новые порядки насильственным образом. Они создавались в ответ на жалобы и насущные проблемы подданных, разрешали коллизии, реально возникавшие в ходе судопроизводства. Это и было фундаментальным принципом

королевского законотворчества — исправление главных правовых ошибок и повышение эффективности правосудия.

Конечно, установленные Эдуардом I порядки не были основаны на принципах полной беспристрастности — впрочем, этого не удалось нигде добиться и по сей день. Представители знати, к примеру, могли откупиться от правосудия, выложив немалую сумму денег в качестве штрафа. Преступники из рыцарского сословия или даже простонародья получали помилование за службу в военных кампаниях.

Законы Эдуарда I прежде всего имели в виду интересы короны, которые он всемерно отстаивал, безжалостно пресекая любые поползновения покунуться на них — как со стороны магнатов, так и со стороны церкви. Перед его глазами постоянно стоял пример отца и деда, катастрофически уронивших королевский престиж и практически выпустивших из рук бразды правления. В конфликте между расширяющимися полномочиями центральной власти и местной средневековой традицией родилось внутреннее согласие, представлявшее собой симбиоз порядка и свободы. Уважение к закону, но без ущемления индивидуальных прав и свобод до недавней поры оставалось политической доминантой английского социума.

Активно привлекая подданных к сотрудничеству, Эдуард I сумел избежать политических катаклизмов и гражданских возмущений. Именно он стал фактическим основателем величайшего из всех английских институтов — парламента, где король и его подданные собирались для решения важнейших государственных дел. Естественно, не стоит всерьез полагать, что в XIII веке призванные в парламент представители графств, городов, а также священнослужители низшего разряда имели сколь-либо заметное влияние на принятие решений по обсуждавшимся вопросам. Принцип *Quod omnes tangit ab omnibus approbetur* — «То, что касается всех, должно быть всеми одобрено» — уже начал получать распространение, но весьма робко, и до окончательного его торжества было еще далеко. В основном парламенты даже в самом широком их составе использовались Эдуардом I для одобрения непопулярных мер —

вроде внеурочных субсидий и налогов для покрытия расходов на военные кампании.

Кардинальной административной реформы король не затевал, однако при нем произошла значительная интенсификация работы клерков (чиновников) в таких важных органах управления экономикой, как королевский гардероб, канцелярия и казначейство. В целом работа по совершенствованию бюрократической машины была проделана колоссальная, но велась она эволюционными, а не революционными методами.

* * *

Англичане воспринимали Эдуарда I как строгого, жесткого, но при этом любимого отца. Отношение к королю у соседних народов — шотландцев и валлийцев — было несколько иным. Для них он оставался объектом неослабевающей ненависти, их проповедники называли его *Le Roi Coueytous* — алчным королем, несшим на их земли не порядок, но раздор и разорение. Но свои многочисленные победоносные войны король вел вовсе не из авантюристических побуждений и уж точно не из жадности. Более того, ему было чуждо и желание воспользоваться слабостью противника. Эдуард I решался на войну только в том случае, если был твердо уверен, что защищает свои законные права — или то, что он искренне считал таковыми. Так, у него не было ни тени сомнений в справедливости притязаний на сюзеренитет над Уэльсом или Шотландией.

Эдуард I был превосходным солдатом и талантливым военачальником — целеустремленным, изобретательным и настойчивым. В крестовом походе, к примеру, он продемонстрировал куда больше решимости добиться осуществления своих первоначальных планов, нежели любой из прочих лидеров похода, отправившихся с ним на Восток. Подобная же решимость совершенно очевидно демонстрировалась им в ходе валлийских войн и шотландских кампаний. Кстати, именно за успехи в последних Эдуард I

получил от потомков еще одно свое прозвище — «Молот шотландцев».

Эдуард I мог вывести в поле армию численностью до 30 тысяч солдат, что было весьма впечатляющим достижением для XIII века. Задолго до того, как это стало правилом, он предпринял определенные шаги к тому, чтобы превратить старое феодальное ополчение в наемную армию нового типа. А его великолепное Железное кольцо — цепь мощных замков в Уэльсе — намного превосходило по масштабности любую европейскую программу фортификационного строительства за все предшествующие, да и последующие времена.

Правда, в результате подобной внешней политики Эдуарда I его королевство чуть не обанкротилось: после себя он оставил долгов на 200 тысяч фунтов. Финансирование войн тяжким грузом легло на бюджетную систему, поскольку расходы короны намного превышали ее доходы. Отчаянными усилиями королевских клерков удалось удержать страну на самой грани коллапса, но Англия стонала под тяжким гнетом податей, наложенных на нее.

Тем не менее Эдуард I был выдающимся королем, и многим его правление представлялось идеальным. По мнению значительной части ученых, именно он являлся прообразом главного героя в романе «Хейвлок-датчанин», написанном в 1280-е годы⁴. Как и Хейвлок, Эдуард ратовал за установление и поддержание правопорядка в своем королевстве, боролся с коррупцией среди своих слуг, занимавших ответственные должности. Подобно Хейвлоку, он советовался со своими парламентами. Так же как Хейвлок, Эдуард довольно долго ждал того момента, когда судьба позволит ему взойти на трон. Между реальным прототипом и его литературным воплощением существовало прямое физическое сходство: они оба были мощного телосложения, высокими, превосходно обученными воинами. В Хейвлоке воплотилась концепция идеального короля, каким он виделся низшим классам — и Эдуард I очень

точно соответствовал ей в народном сознании по всем параметрам.

Деяния короля нашли отражение не только в литературных образах. Роскошная «Псалтирь с ветряной мельницей» конца XIII века знаменита тем, что в ней уникальным образом оформлен псалом 1. Вопреки всем правилам и традициям, декорированным, цветным и увеличенным в размере был не только инициал (или по-русски буква), но и вторая буква. Псалом начинался на латыни словами «*Beatus vir qui...*», и второй буквой оказалась «E» — первая буква в имени *Edward*. И это далеко не все: внутри ее художник изобразил суд Соломона и ветряную мельницу. Стоит напомнить, что в 1297 году Эдуард I чуть не погиб, когда его конь испугался ветряной мельницы в Уинчелси и прыгнул с высокой насыпи. По общему мнению, спас короля тогда его божественный защитник — ангел-хранитель.

Что касается изображения суда Соломона, то в псалме 1 далее говорится: «Но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он и день и ночь»^[5]. Отправляющий правосудие Соломон однозначно отождествлялся с Эдуардом I, который уже среди современников имел репутацию короля-законодателя. Некоторые даже не шутя считали английского монарха воплощением Соломона⁵.

Подобного рода сравнения были весьма распространенным явлением. Так, в «Хронике Бери-Сент-Эдмундс» отмечалось: «Эдуард король Англии как будто второй Соломон во всех делах своих проявлял себя до сих пор отважным, благородным и славным»⁶. Надгробная речь Джона из Лондона, вестминстерского монаха, именуемая *Commendatio Lamentabilis*, включала в себя такой пассаж — Соломон сочинял притчи и песни, в которых прославлял церковь, а Эдуард издавал законы и статуты, и были они как солнце и луна, умиротворяющие священничество, а также королевство⁷. Да и сам Эдуард I, как бы ощущая свое внутреннее родство с царем Соломоном, всю жизнь стремился в Святую землю и желал

умереть именно там, хотя судьбой ему было предопределено
скончаться во время очередного похода в Шотландию.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЦВЕТОК РЫЦАРСТВЕННОСТИ

Глава первая

БЕСТИТУЛЬНЫЙ ПРИНЦ

Шел 1235 год. Англия с трудом оправлялась от жестокой морозной зимы, которая выпала на ее долю уже второй раз подряд. Следствием природного катаклизма стал голод, только в Лондоне и окрестностях унесший жизни 20 тысяч человек. Но бедственное положение населения страны не очень заботило короля Генри III Уинчестерского^[6], который выбрал именно этот момент для решения своих матримониальных проблем. Другими словами, он собрался жениться.

Избранницей двадцативосьмилетнего монарха стала двенадцатилетняя Элеонора, дочь Рамона Беренгера IV графа Прованского и Беатрисы Савойской. Ее отец, прямой потомок королей Арагона, к своему величайшему сожалению, не сумел обзавестись наследником мужского пола, что заставило его с особым тщанием подходить к устройению судеб своих дочерей. Двумя годами ранее он уже выдал старшую дочь Маргариту за Луи IX, могущественного короля Франции, а теперь готовился устроить столь же выгодный брак для второй дочери.

Едва вышедшая из детского возраста Элеонора Прованская обещала стать поразительной красавицей. В сумрачный, дождливый и голодный Лондон она принесла с собой то светлое обаяние, которым отличаются обитатели средиземноморского побережья с его ярким ласковым солнцем, благодатным климатом и древней живой культурой. Английские хронисты писали о юной невесте своего короля с нескрываемым восторгом:

Прованский граф сосватал дочь за короля —
Элеонору, цвет нежнейший миндаля.

Не знала прежде красоты такой земля⁸.

Несмотря на удручающие жизненные перспективы для значительной части подданных, церемонию венчания Генри III постарался обставить со всей возможной пышностью. Она состоялась 14 января 1236 года в Кентербери. Проводил ее, в полном соответствии с высоким рангом вступающих в брак особ, сам примас всей Англии^[7] Эдмунд Рич архиепископ Кентерберийский. После окончания церемонии молодожены в сопровождении многочисленной свиты направились в Вестминстер. Путь предстоял неблизкий — блестящей кавалькаде нужно было преодолеть около 100 километров, чтобы достичь пункта назначения.

Вестминстерский комплекс, в то время еще не поглощенный разросшимся Лондоном, а располагавшийся у юго-западной окраины столицы, состоял из нескольких зданий. Его основой был дворец, служивший главной королевской резиденцией и впоследствии основным местом сбора парламента, а также стоявшая в непосредственной близости от него церковь Святого Петра, обыкновенно именовавшаяся аббатством, где традиционно короновались английские монархи. В Вестминстере в день святых Фабиана и Себастиана^[8] — в тот год он пришелся на воскресенье — праздника, посвященные королевской свадьбе, продолжились.

Одновременно торжества шли и в самой столице. С раннего утра на лондонских улицах началась суета: «На праздник, посвященный свадебной церемонии, съехались знать, простолюдины обоих полов, множество служителей церкви, толпы черни, большое число лицедеев — гуляющих было столько, что даже такой обширный город, как Лондон, с трудом мог их вместить. Весь город был украшен шелковыми полотнищами и баннерами, венками и гобеленами, свечами и факелами, повсюду разыгрывались чудесные представления. Все улицы были очищены от грязи, нечистот, палок и прочего мусора. Горожане спешили навстречу королю и королеве в

украшениях и красивых нарядах, соперничая друг с другом в резвости своих коней»⁹.

* * *

К моменту своей свадьбы король Генри III правил страной уже двадцатый год. Однако ничем выдающимся его царствование отмечено не было — как в хорошем, так и в плохом. Этим он отличался от своего отца, печально известного Джона Безземельного, который вошел в историю исключительно как король-неудачник, растерявший всю славу и большую часть наследия предков. В делах Генри привык полагаться на своих фаворитов и советников. С влиятельными придворными фракциями, естественным образом создавшимися при слабом правителе, ему до поры до времени удавалось ладить, не доводя дела до явного кризиса.

Генри III был беден по сравнению как со своими предшественниками, так и со своими основными соперниками. В частности, годовой доход Луи IX Французского почти в два раза превышал таковой у английского короля. Чтобы как-то пополнить казну, Генри вынужден был следовать принципу *quid pro quo*, что в данном случае означало политические уступки в обмен на согласие платить дополнительные налоги. Об этом ему каждый раз особо приходилось договариваться на расширенных советах, где присутствовала большая часть знати королевства. В свою очередь английские магнаты привыкли рассматривать встречи с королем как свое законное и освященное обычаем право высказывать критику в адрес политики монарха.

Начиная с 1236 года эти собрания получили официальное название «парламент», образованное, по всей вероятности, от старофранцузского *parlement* и закрепившееся в английском языке на века. Ничего общего с современными парламентами они не имели прежде всего в силу ограниченности представленных в них сословий. Надо заметить, что даже эти весьма скромные, недоразвитые, обладавшие крайне

ограниченными полномочиями прототипы последующих парламентов постоянно отказывали Генри III в столь необходимых тому финансах и частенько не давали согласия на сбор дополнительных налогов. Сталкиваясь с упорным сопротивлением своих баронов^[9] любым попыткам ввести новые статьи налогообложения, король поневоле вынужден был выжимать доходы из других источников. Он залезал в карманы рыцарей, горожан и простолюдинов, что отнюдь не прибавляло ему популярности в средних и низших слоях английского общества.

Если в качестве правителя Генри III талантами, мягко говоря, не блистал, то человеком он был в целом неплохим, хотя порой его охватывали приступы необъяснимой жадности. Свою жену он несомненно любил, был с ней неизменно ласков и строго хранил ей верность. Король серьезно относился к исполнению своих супружеских обязанностей и за примерную семейную жизнь вскоре был вознагражден. В ночь с 17 на 18 июня 1239 года Элеонора Прованская родила в Вестминстерском дворце первенца — наследника английского престола.

Появление на свет законного продолжателя Анжуйской династии^[10] стало для Генри III большим счастьем. Радостная весть молниеносно распространилась по дворцу и аббатству, клирики в королевской часовне затынули: «*Christus vincit, Christus regnat, Christus imperat*^[11]». Новость быстро достигла Лондона, и в столице стихийно начался народный праздник. Гулянья с музыкой и танцами продолжались круглые сутки — ночью улицы освещались большими фонарями и факелами.

Посланники, отряженные королем к светским магнатам и прелатам с извещением о важном событии, в предвкушении богатых даров неслись к адресатам, не жалея коней. И по большей части предчувствие их не обманывало. Например, от престарелого Уильяма де Уоррена графа Саррейского, признанного лидера английской знати, вестник получил в награду земельное владение, дающее ежегодный доход в 10 фунтов стерлингов — по тем временам немало.

Всеобщее ликование было несколько омрачено очередным приступом королевской жадности. Генри III придирчиво осматривал каждый подарок, присланный ему знатными лордами, епископами и аббатами. Те дары, которые не казались ему достойными столь значимого события, он приказывал немедленно вернуть дарителю. Это оскорбительное действие непременно сопровождалось еще более оскорбительным требованием прислать взамен что-то более стоящее. Такое неподобающее королю поведение вызывало у одних англичан гнев, у других — насмешки. Один из придворных весьма остроумно заметил: «Господь нам этого младенца даровал, а король — продал»¹⁰.

На четвертый день после рождения малыш был крещен папским легатом Одоне ди Монферрато в присутствии Эдмунда Рича архиепископа Кентерберийского и воспринят из купели Роджером Найджером епископом Лондонским и Уолтером Моклерком епископом Карлайлским. На церемонии присутствовал цвет английской знати: младший брат короля Ричард граф Корнуоллский, могущественные магнаты Симон де Монфор граф Лестерский и Хамфри де Боэн граф Херефордский и Эссекский. Из прелатов на крещение были приглашены также Уильям де Рейли, епископ Нориджский, и Саймон Нормандец, архидиакон Нориджский. В некотором отдалении от светских и духовных магнатов стояли другие знатные лорды и леди.

* * *

Удивлению придворных не было границ, когда они узнали, какое имя король выбрал для сына. При дворе в ходу был французский язык, и семейная традиция Анжуйской династии, к которой принадлежали четыре последних короля, диктовала достаточно строгие правила наречения новых ее членов. Анжуйцы должны были давать своим отпрыскам имена на французский манер — Уильям, Ричард, Джон или Генри. Другими словами, они выбирали для детей английские аналоги

распространенных за Ла-Маншем^[12] имен Гийом, Ришар, Жан и Анри.

Совершенно неожиданно для всех Генри III пошел наперекор обычаям. Он заявил, что его сын будет носить имя Эдуард в честь Эдуарда Исповедника — аскета и рьяного защитника христианских добродетелей. Генри особо почитал этого святого и считал его покровителем королевской семьи, регулярно отмечая его праздник с большим размахом. О масштабах торжеств может свидетельствовать хотя бы такой факт: в эти дни помимо прочего он приказывал накормить до 100 тысяч бедняков.

Если для Анжуйской и предшествовавшей ей Нормандской династий подобный выбор имени действительно казался странным, то для англосаксонских королей, владевших этой страной до завоевания, он был вполне заурядным. Так звали нескольких представителей Уэссексской династии, правление которой в Англии пресек в 1066 году прапрапрадед Генри III Уинчестерского — нормандский герцог Гийом Бастард, ставший после захвата английского трона Уильямом I Завоевателем. В англосаксонские времена имя Эдуард было столь же привычным для ушей современников, сколь архаично оно звучало для жителей Англии середины XIII века.

Похоже, Генри III надеялся, что воскрешение славного имени поможет примирить его подданных, ибо простой народ имел англосаксонские корни, а знать целиком и полностью составили пришлые нормандские рыцари. Если это действительно было мыслью короля, то он стал первым правителем со времен нормандского завоевания, который пусть робко, но постарался уменьшить этническую пропасть между сословиями своего королевства. Впрочем, в языковом и культурном плане единым английский народ стал гораздо позже — при его правнучке Эдуарде III Виндзорском.

Как бы то ни было, но англосаксонские подданные короля Генри III именно так поняли намерения короля и в полной мере оценили его смелый шаг. Описывая родословную своего

будущего повелителя, пребывавшего еще в колыбели, они с величайшей охотой пренебрегали мужской линией, ведущей к нормандским герцогам-завоевателям, и подробно углублялись в описание линии женской, которая напрямую выводила их к королям-англосаксам. Выглядело это так: «Элеонора, королева Англии, родила в 14-й день до июльских календ старшего сына Эдуарда, чьим отцом был Генри, чьим отцом был Джон, чьим отцом был Генри, чьей матерью была Матильда-императрица, чьей матерью была Матильда королева Англии, чьей матерью была Маргарет королева Шотландии, чьим отцом был Эдуард, чьим отцом был Эдмунд Железнобокий, который был сыном Этельреда, который был сыном Эдгара, который был сыном Эдмунда, который был сыном Эдуарда Старшего, который был сыном Альфреда»¹¹.

Простолюдины хотели верить в то, что после 150 лет жестокого угнетения англосаксонского населения горсткой пришлых чужаков-нормандцев у власти оказался, наконец, правитель, не просто родившийся на английской земле, в Уинчестере, не только всю жизнь проживший в Англии, но и считающий английский народ своим, а себя — в первую очередь королем Англии, а не герцогом Нормандским или Аквитанским. Правда, приверженность своей стране Генри III демонстрировал не во всем. В серьезных делах он во многом полагался на доверенных советников, которые в подавляющем большинстве были иноземцами.

Поэтому на маленького принца англичане возлагали еще большие надежды. Они верили, что Эдуард продолжит дело своего отца, но при этом станет проводить самостоятельную политику и не будет столь подвержен влиянию ближайшего окружения, заботившегося в первую очередь о своем благе, а не о процветании королевства.

* * *

Когда родился принц Эдуард, главным королевским фаворитом был Симон де Монфор — весьма примечательная

фигура во многих отношениях. Он был отпрыском древнейшего французского знатного рода, младшим сыном знаменитого военачальника Симона IV сеньора де Монфор-Л'Амори. Симон IV участвовал в Четвертом крестовом походе, закончившемся вместо освобождения от неверных Иерусалима взятием и разграблением вполне христианского Константинополя. Еще более громкую известность по всей Европе он приобрел после того, как жестоко подавил катарскую ересь в Лангедоке. Его войска уничтожили множество альбигойцев и наголову разбили в битве при Мюре превосходящую по численности армию Педро II Католика короля Арагона, прибывшего на помощь своему вассалу и зятю Раймону VI графу де Тулуза, покровительствовавшему катарам. Сеньор де Монфор-Л'Амори безжалостно разорил Окситанию, но сумел вернуть ее в подчинение французской короне, а сам присвоил графство Тулузское по праву завоевания.

Все интересы Симона де Монфора ограничивались исключительно Францией. С Англией его связывало лишь то, что от матери он унаследовал титул графа Лестерского. А вот его младший сын, как и отец, носивший имя Симон, предпочел искать счастья именно в Англии, куда прибыл в 1230 году в двадцатидвухлетнем возрасте. Симон V был харизматичен, умен и крайне амбициозен. Ему легко удалось завоевать уважение и дружбу Генри III, которого весьма впечатлили дипломатические и военные таланты нового приятеля, его несомненный литературный дар, а также крайний религиозный фанатизм. Очарованный Симоном де Монфором, король не замечал или не хотел замечать у своего фаворита главного недостатка, затмевавшего все многочисленные достоинства. Француз представлял собой тот тип рыцаря, который верил только в силу меча и интриг, отдавая безусловный приоритет личным амбициям перед любыми другими соображениями, включая государственные.

В январе 1238 года Симон женился на сестре короля Элеоноре, а в апреле следующего года унаследовал титул графа Лестерского после того, как от него отказался его старший брат

Амори. Казалось бы, ничто не в состоянии было поколебать дружбу между королем и его фаворитом, набиравшим все больший вес при дворе.

Когда в начале августа 1239 года в отношениях Генри III и Симона де Монфора появилась трещина, то у многих родилась надежда, что король все-таки в состоянии побороть свою фатальную зависимость от доверенных советников и править самостоятельно — а подрастающий наследник престола, достигнув сознательного возраста, будет иметь перед глазами достойный пример государственного управления. Что же произошло между Генри III и графом Лестерским?

На сороковой день после рождения принца Эдуарда король и фаворит вместе отстояли торжественную церковную службу, проведенную в ознаменование очищения королевы после родов. И сразу же по окончании службы между ними разразилась крупная ссора. Виноват во всем был самоуверенный Симон де Монфор, который несколько переоценил свое влияние на короля. Он осмелился представить монарха в качестве поручителя, когда одалживал у Тома II Савойского графа Фландрского две тысячи фунтов. При этом граф Лестерский не удосужился испросить согласие у самого Генри III. Тот, естественно, впал в ярость. Помимо законных упреков в финансовых махинациях, в запале он обвинил Монфора еще и в совершенно фантастическом преступлении — в соращении своей сестры Элеоноры до брака.

Король не шутя пригрозил фавориту заточением в лондонский Тауэр. Его гнев был столь силен, что Симон решил не испытывать судьбу и на время исчезнуть из Англии, благо подвернулся удобный предлог, позволивший замаскировать бегство и сохранить лицо. Монфор присоединился к так называемому Крестовому походу баронов в Палестину 1239—1241 годов, вступив в отряд королевского брата Ричарда графа Корнуоллского.

К тому времени, когда поход в Святую землю закончился и граф Лестерский вернулся с Востока, Генри III несколько успокоился, и они помирились. Таким образом, на самой

возможности обретения королем самостоятельности был снова поставлен крест — по крайней мере, на достаточно продолжительное время.

* * *

Детство Эдуарда прошло в основном в Виндзорском замке — главной резиденции английских монархов с начала XII столетия, когда Англией правил Генри I Боклерк. Замок стоял в 40 километрах к западу от Лондона на правом берегу Темзы, которая в том месте достаточно узка и не производит столь величественного впечатления, как в столице.

Королевские отпрыски, как правило, недолго наслаждались компанией своих родителей. Не стал исключением и Эдуард — уже в августе 1239 года его переселили в собственные апартаменты, которые находились там же, в Виндзоре. Королева сына грудью, естественно, не кормила — у знатных дам это было не принято. К мальчику отец велел приставить двух кормилиц — Элис и Сару.

Едва Эдуарду исполнилось три года, у него появились наставники — Уильям Бран и Хью Гиффард Бойтонский. Гиффард был известным судьей, весьма искусственным в правовых вопросах. По общему мнению, он отличался честностью и набожностью, за какие качества король и почтил его своим высоким доверием. Кроме того, Генри III решил, что в числе придворных сына должны обязательно состоять дети, с которыми принц мог бы общаться — причем не сверстники, а мальчики чуть постарше, чтобы он невольно тянулся за ними в своем развитии. Одним из наперсников наследника стал его двоюродный брат — семилетний Генри Алеманский, сын Ричарда графа Корнуоллского. Другие имели куда более низкое происхождение: это были Джеймс, сын королевского придворного Николаса де Молса, а также сыновья Феррана, бывшего арбалетчика королевской охраны.

Хотя формально Эдуард жил отдельно от родителей, король лично следил за тем, чтобы ни сын, ни его свита ни в чем не

нуждались, скрупулезно вникая во все мелочи. В мае 1242 года он издал такое распоряжение: «Приказываем камергеру в Лондоне, чтобы вина из королевских запасов были доставлены констеблю Виндзора — две бочки изысканного вина для надобностей Эдуарда, сына короля»¹². Естественно, что вино в таких количествах предназначалось больше для взрослых из свиты наследника, чем для трехлетнего мальчика. Впрочем, в те времена оно представляло для детского организма куда меньшую опасность, чем обычная питьевая вода, которая в обязательном порядке разбавлялась вином — в разумных количествах, естественно — для дезинфекции.

Двух бочек хватило двору принца на пять месяцев, ибо в октябре король снова озаботился этим вопросом. Констебль^[13] Виндзора получил от него следующее распоряжение: «Поскольку король слышал, что королевские дети, в королевском замке пребывающие, не имеют доброго вина для питья, приказываем нашему констеблю замка Виндзор, чтобы для их надобностей он доставил им две бочки лучшего королевского вина, которое есть в башне вышеуказанного замка — сначала одну, затем вторую»¹³.

Поначалу Генри III оплачивал содержание свиты сына и услуги его воспитателей из собственного кармана, но уже в 1244 году принял другое решение. Он пожаловал Эдуарду манор Тикхилл в Йоркшире, а также передал ему доходы от вакантного в то время епископства Чичестерского. И с этого момента все основные расходы легли на плечи казначея принца. Впрочем, Генри все время старался сделать горячо любимому сыну какой-нибудь приятный сюрприз — то прислать к его столу миноги, то подарить роскошный плащ, отороченный мехом.

Король был крайне озабочен слабым здоровьем Эдуарда, поэтому всячески старался приучить его к свежему воздуху и физическим упражнениям. Невзирая на то, что возраст не позволял мальчику самостоятельно ездить верхом, король нашел выход и приказал изготовить для него специальное

двухместное седло. Генри III не уставал напоминать воспитателям, что принц с раннего детства должен привыкать к коню, расти крепким и здоровым, ибо ему предстояло не только нести тяжелейшее бремя власти, но и командовать войсками, подавая пример выносливости своим солдатам.

Однако несмотря на все усилия отца крепким здоровьем Эдуард похвастаться не мог. В июне 1246 года он вместе с родителями отправился в знаменитое цистерцианское аббатство Бьюли, которое пользовалось особым покровительством английских королей, начиная с Джона Безземельного. В то время монастырь, расположенный в самом сердце обширного лесного массива, носил поэтическое имя *Bellus Locus Regis* — «Прекрасное королевское место».

Генри III предпринял это путешествие, желая присутствовать на церемонии освящения новой церкви, строительство которой продолжалось более 40 лет и было только что закончено. Церковь представляла собой огромное крестообразное в плане сооружение в стиле ранней готики, ее проект создавался под ощутимым влиянием французских цистерцианских аббатств Сито, Бонпор и Клерво. Шпиль собора вздымался в высоту на 102 метра^[14].

Впервые в своей жизни Эдуард тяжело заболел именно тут. Королева Элеонора Прованская настояла, чтобы все, включая семью и свиту, оставались в аббатстве до тех пор, пока мальчик окончательно не поправится. Полное выздоровление заняло целых три недели, после чего блестящая кавалькада отправилась в обратный путь и без приключений вернулась в Виндзор. В этом же году скончался один из наставников Эдуарда — Хью Гиффард Бойтонский, человек высокой морали и учености. Несмотря на юный возраст своего подопечного, он сумел внушить ему уважение к праву, которое впоследствии вылилось у Эдуарда в стремление упорядочить законодательство и установить единые порядки по всей стране.

Новым наставником наследника престола стал рыцарь из королевской свиты — сэра Бартоломью де Пеш. Перед ним

Генри III поставил несколько иные задачи. Сэр Бартоломью должен был открыть мальчику мир за стенами дворца и всерьез заняться его физическим развитием. Считалось, что именно с семилетнего возраста следовало начинать приобщение к рыцарским премудростям. Эдуард под руководством нового наставника учился управлять конем, постигал тонкости псовой и соколиной охоты. Сэр Бартоломью учил его владению мечом, луком и кинжалом. По-видимому, успехи принца радовали наставника, ибо Генри III вскоре издал указ, позволяющий Эдуарду охотиться в лесах, окружавших Виндзор. Хотя король содержал охотничьих собак и ловчих птиц, но они предназначались для увеселения его свиты. Сам Генри не питал особой любви к охоте и старался избегать участия в ней, однако всемерно поощрял увлечение ею сына.

Усиленные физические упражнения не уберегли принца, и в 1247 году он вновь тяжело заболел. Приставленные к наследнику престола доктора Александр и Томас отнесли к его недугу крайне серьезно, чего не скрыли и от короля. Генри III даже опасался, что наследник престола может умереть. Хронист писал: «В ночь на святого Михаила^[15] заболел Эдуард, первородный сын и наследник государя короля. И написал государь король всем священникам, которые находились в окрестностях Лондона, где заболел упомянутый Эдуард, чтобы они с усердием вознесли молитвы за выздоровление ребенка. И помимо других написал он, в частности, аббату и конвенту Сент-Олбенса, чтобы они отслужили мессы, и все монахи участвовали бы в торжественном пении, и первая была бы за святого Альбана, а вторая — за болящего, а именно: “Всемогущий вечный Боже, верующих вечное спасение...”^[16] И милостью Господней здоровье ребенка было восстановлено»¹⁴.

После выздоровления Эдуард возобновил конные прогулки, упражнения с оружием и выезды на охоту, к которой он пристрастился. Это шло ему на пользу, здоровье принца постепенно укреплялось.

* * *

Отношения между Англией и Францией по-прежнему оставались неурегулированными: английский король требовал возврата Нормандии и отвоёванной у него части Аквитании, а французский король предпочитал никак на не реагировать на эти демарши. Он до такой степени был удовлетворен течением дел в Аквитании, что не беспокоился даже по поводу того, что Генри III все еще не принес ему вассальную присягу. Луи IX полагал, что вся Гасконь^[17] вот-вот может отложиться от своего английского сеньора. После катастрофического провала экспедиции 1243 года, предпринятой для освобождения герцогства от французов, власть английского короля, носившего одновременно титул герцога Аквитанского, признавали только территории между Дордонью и Пиренеями. При этом у него было поразительно мало рычагов влияния на своих вассалов. Вся реальная власть находилась в руках гасконских магнатов, чьи отношения с верховным сеньором, пребывавшим далеко за морем, были весьма формальными.

Слабые сенешали, назначаемые королем, не обладали достаточными полномочиями для наведения порядка. Местные сеньоры вели себя крайне независимо, они грабили торговцев и с упоением предавались междоусобным войнам. Столицу герцогства Бордо раздирала вражда могущественных семейств Солер и Колом. В Байонне кланов, борющихся за муниципальные должности, было еще больше. К остаткам Аквитании тянули жадные руки соседние государи. Трувер^[18] Теобальд IV граф Шампанский, носивший также корону Наварры, жаждал присоединить к своим владениям долину Адур. Фернандо III, король Кастилии, и Хайме I, король Арагона, по мелочам размениваться не собирались и претендовали на всю Гасконь целиком. Судьба герцогства висела на волоске.

Королевский ордонанс о передаче Эдуарду Аквитании вместе с островом Олерон был выпущен 30 сентября 1249 года — через три месяца после достижения наследником престола

десятилетнего возраста. Однако никаких фактических властных полномочий принц не получил. Более того, король не пожаловал ему даже титула, связанного с новым владением — другими словами, герцогом Аквитанским Эдуард не стал.

Это, конечно, неудивительно — нельзя же было всерьез надеяться, что десятилетний мальчик сможет справиться с комплексом запутанных проблем и успешно управлять отдаленным герцогством, погруженным в перманентную смуту. Вопрос в другом — зачем королю вообще понадобилось вмешивать в это дело принца, если всеми делами на английских территориях в юго-западной Франции уже ворочал не кто иной, как его давний друг и советник Симон де Монфор? Граф Лестерский находился на континенте в качестве королевского наместника с весны 1248 года. Он был назначен на этот пост на семилетний срок и получил обширные полномочия во всем, что касалось управления герцогством и защиты интересов Англии от многочисленных внешних и внутренних угроз.

Симон де Монфор взялся за устройство Аквитании с большим рвением и быстро доказал всем, что недаром является сыном знаменитого гонителя альбигойцев. Он изъездил герцогство из конца в конец, чтобы сплотить немногих оставшихся сторонников английского короля, а затем занялся мятежниками. Наместник приструнил бордоских смутьянов, а также их сторонников в других провинциях, разорив владения Раймона III виконта де Фронсака. Он также разгромил войско вечного бунтовщика Гастона VII Великого виконта де Беарна и взял в плен его самого. Монфор конфисковывал земли, разрушал замки и, что хуже всего, уничтожал виноградники. Это считалось ужасным деянием в стране, основным источником дохода которой было вино. Неудивительно, что найти общего языка с гасконцами ему не удалось. В Лондон летели многочисленные жалобы на действия наместника. Обвинения в адрес Симона де Монфора оказались настолько серьезными, что ему было предписано незамедлительно предстать перед королевским советом.